

Содержание
Содержание
Содержание
Содержание

Л.Б. БАДМАЕВА

ЯЗЫК БУРЯТСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

УДК 495–942.3
ББК 81.2БУ
Б153

Работа публикуется при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (Языки, литература и фольклор в культуре народов Евразии; грант 23.5).

Ответственный редактор
д-р филол. наук **Л. Д. Шагдаров**

Рецензенты

чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, проф. **Г. Ц. Пюрбеев**
чл.-кор. РАЕН, д-р филол. наук, проф. **В. И. Рассадин**
канд. пед. наук **И. Б. Нимаева**

Бадмаева Л. Б.
Б153 ЯЗЫК БУРЯТСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ
СО РАН, 2005. – 216 с.
ISBN 5–7925–0174–2

Монография посвящена описанию лексических, морфологических и синтаксических особенностей языка бурятских летописных памятников Бурятии XVIII–XIX вв. Выявлены и научно интерпретированы лингвистические факты, относящиеся к определенному историческому периоду в развитии бурятского языка. Изучение языка бурятских летописей показало, что нормы грамматической, синтаксической систем классического монгольского языка в основе своей сохранились в этих текстах. Вместе с тем установлены и отличительные черты языка бурятских летописей как следствие влияния бурятского языка на старописьменный монгольский язык.

Книга представляет интерес специалистам в области гуманитарных наук: лингвистам, литераторам, историкам, этнографам, культурологам, а также преподавателям, аспирантам и студентам.

ISBN 5–7925–0174–2

© Л. Б. Бадмаева, 2005
© ИМБит СО РАН, 2005
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2005

фиксами -та / -то, / -тэ, -тай / -тэй, -той, в единичных случаях – -лиг, -нгар, которые можно отнести к бурятским топообразующим формантам; -нгэ / -нго, / -нга, -рга / -ргэ, / -рго – к топообразующим аффиксам эвенкийского происхождения.

В настоящее время в этнографической Бурятии наблюдается процесс образования ойконимов на базе бурятских топооснов при помощи суффиксов русского языка: Анинск, Байкальское, Брянск, Забайкальск, Ононск, Удинск, Усть-Илимск, Хоринск, Балаганск, Корсаково, Ранжурово, Селенгинск, Таловка.

Анализ топонимических имен бурятских летописей В. Юмсунова показывает, что современные крупные населенные пункты возникли в тех местах, где ранее располагались мирские избы или присутственные учреждения, различные дацаны, воздвигнутые в наиболее удобных, благодатных местах по берегам рек, где были поселения, которые способствовали распространению оседлого образа жизни среди хоринских бурят.

Анализ лексической структуры топонимов выявил языковую неоднородность географических названий, бытовавших в бурятской среде. Этимология исследуемых терминов указывает на языковое взаимодействие в области топонимии, явившееся следствием контактов бурят с тюркскими, тунгусо-маньчжурскими племенами. Топонимический материал летописи В. Юмсунова свидетельствует о том, что ареал расселения хоринских бурят в XVII–XIX вв. охватывал современные районы Республики Бурятия (Бичурский, Еравнинский, Заиграевский, Кижингинский, Кяхтинский, Мухоршибирский, Селенгинский, Хоринский) и некоторые регионы Читинской области.

Антропонимы

Антропонимия (личные и фамильные имена) – важный пласт ономастического материала. «Исследование систем личных имен определенного народа в диахронно-историческом аспекте с учетом их апеллятивных основ может дать неоценимые сведения о древнейших состояниях системы языка, о контактах народов между собою или о генетической общности их, об этнографии того или иного региона» [Митрошкина, 1987, с. 3]. Научная ценность личных имен заключается в том, что нередко они являются единственными свидетельствами, дошедшими до нас из глубин веков и сохранившими то, что уже ушло из языка в качестве нарицательных имен.

Для исследования бурятской антропонимии большой интерес представляет антропонимический материал, содержащийся в источниках на старописьменном монгольском языке, в частности, в исторических хрониках и летописях, так как они написаны в большинстве случаев на основании подлинных документов, хранившихся в степных думах бурят и содержат имена реальных лиц, фигурировавших в истории бурятского народа.

Обратимся к материалу бурятских летописей. Рассмотрим представленные в летописях личные имена с точки зрения состава языковой принадлежности, коснемся функционирования их соответствий в современном именнике бурят.

Нами выявлено в бурятских летописях около 500 антропонимов. Состав именника чрезвычайно широк: повествование начинается с эпохи Буртэ чино – легендарного предка хори-бурят и заканчивается XX в. Многие эпизоды, уходящие в глубь веков, заимствованы из монгольской летописи Саган Сэцэна. В первых главах выделяется группа легендарных и исторических имен: *Bortu Ćinu-a*, *Barγ-a bayatur tayisung* поуан, *Babuji Baras bayatur*, *Beki Būke*, *Barγujin γuva*, *Alung γuva*, *Būūbei bile bayatur*, *Baljin gatun*, *Dai Qung tayiji*, *Qori mergen*, *Saraldai*, *Nayatai*, *Galjid*, *Quvasai*, *Kūbdūd*, *Gučid*, *Sarayid*, *Qaryan-a*, *Bodongγud*, *Qudai*, *Batanai*, *Caγan*, *Qalbin*, *Yisūgei bayatur*, *Temūjin čutu boyda Cinggis qayān*, *Toγon Tömer qayān*, *Jayaγ-a-tu qayān*, *Yoγa poγan*, *Legden Qutuγ-tu bayatur qayān*, *Sildei janggi // Ćildei janggi*, *Ögedei qayān*.

Бурятские личные имена рассмотрены довольно подробно. В настоящее время имеется ряд работ, посвященных различным аспектам изучения бурятской антропонимии. Прежде всего это фундаментальный труд известного ономаста А. Г. Митрошкиной «Личные имена бурят» (2000) и других ученых [Алдарова, 1979; Башкуев, 1981; Шулунова, 1985; Митрошкина, 1987].

В бурятских летописях много внимания уделено распространению ламаизма в Бурятии. Упоминаются имена наиболее крупных ламаистских деятелей, первых бурятских лам: Пагба лама Лодой Джалцана. Эти имена, как правило, являются тибетско-санскритскими по происхождению, по структуре – составными. Таковы имена Пагба ламы (*Paγba blam-a blova grus gjalmsan*), наставника Хубилай хана; четвертого Далай ламы Соднам Джамцо (*bso-vad nams rgiamsova*),

приглашенного тумэтским Алтан ханом, в период правления которого были отменены жертвенные заклятия в честь онгонов и установлены правила буддийской религии в 1578 г.; пандита Гунга Одзера (Gungga Odcer), возглавившего комитет ученых переводчиков Ганджура на монгольский язык при Лигдэн хане, перевод был закончен в 1624 г.; Дамба Даржа Заяева (Damba Darjiyu-a Jaya-giin), проучившегося 7 лет в Тибете возле Далай ламы, затем ставшего первым главным ширетуем цонгольского дацана (Балдан Брэйбун).

Освещается деятельность первых бурятских тайшей, зайсанов, засулов: правящего дома первого тайши Шодо Болтирокова (Sadu Boltiray-un), начиная с 1729 г., когда был утвержден институт тайшинства и было учреждено звание «главный тайша» в подражание титулу древнего Баргу Батура тайсуна, которое передавалось по наследству: сын Шодо – Ринце (Rince), его сын Дамба Дугар (Damba Duggar), сын Дамба Дугара – Жигжит (Jigjit), его сын – Тарба (Tarba). В 1857 г. династия Шодо Болтирокова теряет право на звание главного тайши из-за неблаговидных поступков Тарбы Жигжитова, затем в главные тайши был произведен шуленга восточно-хуацайского рода, заседатель Хоринской степной думы Бадма Очиров (Badm-a Včir-un), а с 1875 г. – Цэдэб Бадмаев (Cedeb Badmayin).

Патентом, пожалованным Александром I 21 апреля 1805 г., зайсаны одиннадцати хоринских отцов Арсалан Мардаев (Arsulan Mardai-yin), Басай Тахариев (Basai Taqari-yin), Данжин Бумалаев (Dangjin Bumalai-yin), Бадма-Цэрэн Гомбоев (Badm-a Ceren Gonbuyin), Зандан Васильев (Jandan Bisili-yin), Дэлгэр Шонохонов (Delger Sonoqon-u), Галши Омоктуев (Galsi Omoqtu-yin), Юмжаб Иванов (Yumjab Ivang-un), Данжин Доржиев (Danjin Dorji-yin), Галзут Мункуев (Galjid Mungke-yin), Цэдэн Мансуев (Cedeng Mangsu-yin), Моху Унаганов (Моquu Унаγан-u) были удостоены чина титулярного советника, а их потомки были причислены к числу привилегированных лиц и исполняли почетные должности.

С началом освоения русскими землепроходцами восточных земель (1643) и установлением русско-маньчжурской границы (1727) упоминаются имена русских царей, сибирских должностных лиц: царя Михаила Федоровича (ca-a-ri Miqayil Pidogovisi), доверенного саяновника Пояркова (itegemjitü tušimeI Puyarqob), который был послан в 1642 г. с целью основания г. Албазина, императрицы Екатерины II

(imperaturica qoyaduyar Ekativina qatun), императора Павла Петровича (ejin imperatur Pabil Pitrovisi), императора Александра I Павловича (ejin imperatur nigedüger Alaysandur Pablovebiši), императора Николая I (ejin imperatur nigedüger Niqulai Pablovisi qayan), действительного статского советника и кавалера разных орденов барона Шилинг фон-Канштадта (barong Siling pong Qong štađ), советника Главного управления Восточной Сибири майора Константина Безносикова (Doguna жүг-үн Sibiri-yin glavnuı uprabliini-yin sobiitniy mayoor Qongstingtin Bijnosikob), генерал-губернатора Восточной Сибири, генерал-адъютанта, сенатора Николая Петровича Синельникова (Doguna жүг-үн Sibiri-yin gıneral-gubirnatur general-adiudanti cinatur Niqulai Pitrovisi Ciniilnikob), князя Алексея Александровича (kinaj Aliysi Aleysangdagovisi), посетившего земли хоринских бурят в 1873 г., полномочного министра, графа Саввы Владиславича Рагузинского (bolnomošnuı miniistar grab Sava Baldislavasi Arıujingsqui).

Эти примеры свидетельствуют о том, что имена из русского антропонимикона в XIX в. прошли адаптацию в бурятской языковой среде, что автор летописи стремился к унифицированию при передаче русских имен, ориентируясь на нормы бурятской и русской разговорной речи.

Лингвисты полагают, что по языковой принадлежности бурятские имена весьма разнообразны. Среди них много архаичных имен, возникших на основе самого бурятского языка, много имен, заимствованных у других народов, с которыми контактировали буряты в ходе своего исторического развития [Бураев, Шагдаров, 1969, с. 107]. В именнике летописей выделяются три пласта: тибетско-санскритский, исконно бурятский, славянский. В количественном соотношении они распределены неравномерно: самый многочисленный пласт – тибетско-санскритский, затем – исконно бурятский и славянский.

При анализе морфологической структуры имен мы придерживаемся классификации, предложенной А. Г. Митрошкиной [1976, с. 53]. В исконно бурятских антропонимах к первичным основам слов мы относим следующие имена-апеллятивы: Voltıray ‘глиняный горшок’, Aburı ‘характер, нрав’, Yalsı ‘староста группы охотников, разводящих общий костер; главный шаман во время облавной охоты’, Keiken ‘дети, ребенок; девочка, дочь’, Olbogı ‘находка, добыча’, Barimid ‘добродетель, средство к освобождению, спасению от материи’, Ubası ‘ми-

рянин, принявший духовные обязанности', *Badan* 'бадан (чигирский чай)', *Tübtür* 'крышка котла, в виде полушария', *Упауан* 'жеребенок', *Ebügen* 'старец', *Tobu* 'название тюрко-монгольского народа южной ветви сяньбийцев' [Кара, 1972, с. 8], *Mangsu* 'пеленки', *Tegülder* 'полный, преисполненный чего-либо', *Jay-a* 'судьба', *Ketürkei* 'чрезмерный, непомерный', *Daqan* '1) кузнец, мастер; 2) (ист.) вольный, не связанный повинностями', *Argulan* 'лев', *Delger* 'обширный, открытый, смелый', *Jandan* 'сандал', *Ergüdeg* 'пугливый', *tübüüsü* 'белесый, перен. вялый, хворый'.

К производным основам следует отнести следующие имена со структурой «основа + суффикс»:

а) -ai: *Tuγulai* < *tuγul* 'теленки'; -ldai: *Aqaldai* < *aqa* 'старший брат'; -tai: *Jirantai* < *jiran* 'шестьдесят';

-tu: *Омоγtu* < *омоγ* 'гордость', *Hasutu* < *nasu* 'возраст', *nomtu* < *nom* 'книга, грамота', *Qubitu* < *qubi* 'часть, доля', *Jorigtu* < *jorig* 'смелость, сила воли'; *Irügelü* < *erügel* 'благопожелание';

-qon: *Sonoqon* < *šono* 'волк',

-siu: *Borongsiu* < *boro* 'серый',

-dul: *Toyindul* < *toyin* 'духовное лицо, монах из дворян и княжеского звания',

-ki: *γoduki* < *γodu* 'мех с лап животных и зверей';

б) основа + отрицательная частица: *Boltiraγ-ügei* 'не имеющий глиняного горшка', *Qosiγui* 'без чувства юмора',

в) отглагольные имена: *Mardai* < *mardaiqu* 'быть прямым, сухощавым'; *Bordiinu* < *bordiiqu* 'иметь неровную поверхность, шероховатость'.

К именам тюркского и маньчжурского происхождения мы относим следующие: *Марха* < тюрк. *марха* 'младший ребенок, первенец; недоношенный' [Рассадин, 1983, с. 78]; *Моquu* < ма. *муху* 'бугор, холм, сопка' [Цыдендамбаев, 1972, с. 522], *Tura-a-ki* < ма. *Тураки* 'грач' [Там же, с. 521].

Антропонимы тибетского происхождения бурятских хроник подробно рассмотрены Ц. Б. Цыдендамбаевым [Там же, с. 504–508]. Мы же приведем наиболее частотные имена этого пласта, встречающиеся в бурятских летописях: *Badma Cereng*, *Damba Duggar*, *Damba Darjiy-a*, *Aγvang Püngsüg*, *Gonbu Cereng*, *Cebeg Jib*, *Rigdel Pungcuγ*, *Siirab Ningbuu*, *Yumjab*, *Rincin Dorji*, *Yumcuren*.

В структуре собственных имен бурятских тайшей и сайтов выделяются модели имя (тиб.-санскр.) + фамилия (исконно бурятская): Шираб-Нимбу Хобитуев, Гомбо Цырен Олбориев, Цэдэн Мансуев, Намжил Мохуев, Арсалан Тугулдууров. Как известно, на старописьменном монгольском языке фамилия оформлялась родительным падежом, который после гласной или дифтонга имеет окончание – *уи*: *ᠲᠤᠪᠤ ᠤᠢᠨ* Tobu-yin ‘Тобоин’, *ᠮᠠᠷᠳᠠᠢ ᠤᠢᠨ* Mardai-yin ‘Мардаин’, *ᠳᠣᠷᠵᠢ ᠤᠢᠨ* Dorji-yin ‘Доржин’, *ᠶᠤᠮᠳᠡᠯᠡᠭ ᠭᠣᠮᠪᠣᠢᠨ* Yüm-Deleg Gomboin ‘Юмдэлэг Гомбоин’, *ᠴᠢᠷᠢᠨ ᠪᠠᠳᠮᠠᠢᠨ ᠤᠢᠨ* Cerin Badm-a-yin ‘Цырен Бадмаин’ [ЛХБ-2, с. 118, с. 124], *ᠰᠢᠷᠠᠪᠨᠢᠮᠪᠤ ᠬᠣᠪᠢᠲᠤ ᠤᠢᠨ* Siirabningbuva Qobitu-yin ‘Ширабнимбу Хобитуин / Шираб-Нимбу Хобитуев’, *ᠳᠣᠷᠵᠢ ᠤᠢᠨ ᠠᠭᠦᠮᠠᠭ* Dorji-yin Aγvang ‘Доржин Агван / Доржиев Агван’ [БА, с. 54]; после согласной *п* – *у* / *-ү*: *ᠰᠣᠨᠣᠬᠣᠨᠡ ᠤ* Sonuqun-u ‘Шонохонэ’, *ᠳᠠᠨᠴᠢᠨᠡ ᠤ* Dančin-u ‘Данчинэ’, *ᠮᠣᠬᠤᠭᠤ ᠤᠨᠠᠭᠠᠨᠤ ᠤ* Moquu Unayan-u ‘Мохуу Унагано / Мохуу Унаганов’ [ЛХБ-2, с. 34], *ᠪᠠᠵᠠᠷ ᠵᠢᠮᠴᠠᠷᠠᠨᠤ ᠤ* Bajar Jimcagan-u ‘Базар Жамцарано’ [ЛХБ-2, с. 92], *ᠷᠢᠨᠴᠢᠨᠤ ᠤ* Rinčin-u ‘Ринчино’; после прочих согласных – *ун* / *-үн*: *ᠲᠦᠭᠦᠯᠳᠡᠷᠦᠨ ᠤ* Tegülder-ün ‘Тугэлдэрун’, *ᠰᠢᠳᠤ ᠪᠣᠯᠲᠢᠷᠠᠭᠤ ᠤᠨ* Sidu Boltiruy-un ‘Шодо Болтирогон / Шодо Болтироков’, *ᠨᠣᠷᠪᠦ ᠣᠴᠢᠷᠠᠨ ᠤᠨ* Norbü Očig-un ‘Норбо Очирон’ [ЛХБ-2, с. 79], *ᠪᠠᠨᠳᠠᠨ ᠶᠤᠮᠰᠦᠩᠭᠡ ᠤᠨ* Vandан Yümsüng-ün ‘Вандан Юмсуно / Вандан Юмсунов’, *ᠪᠠᠨᠵᠠᠷᠠᠨ ᠳᠣᠷᠵᠢ ᠤᠨ* Banjar-un Dorji ‘Банзарон Доржи / Банзаров Доржи’, *ᠰᠠᠮᠫᠢᠯᠠᠨ ᠳᠠᠰᠢ ᠤᠨ* Sampil-un Daši ‘Сампилон Даши’ [БА, с. 52, с. 55].

С экспансией царской колонизаторской политики в Сибири связано появление русских имен греко-латино-византийского происхождения (с конца XVIII в.) [Басаева, 1976, с. 85]. Интересен факт из хроники В. Юмсунова официального крещения главного хоринского тайши Ринчиндоржи Дэмбилова, который в 1841 г. добился аудиенции у императора Николая I и удостоился святого крещения его именем: ... tede yeke degedu-yin ner-e degere kristos-un ariγun ugiyal-du kürtejü Niqulai Niqulaivisi Dengbilob kemekü bolju ... bučaysan böged [ВЮ, с. 129]. В этот период окказионально встречаются такие модели: имя (русское) + фамилия (бурятского или тиб.-санск. происхождения): Pavil Dorji Jib-un ‘Павел Доржижабон’, Miqayila Bataqu-yin ‘Михаил Батахоин’, Simüng Način-u ‘Семен Начино’, и даже с такой структурой: имя (тиб.) + фамилия (слав.): Jandan Bisili-yin ‘Зандан Висильин’ (Васильев), Yumjab Ivang-un ‘Юмжаб Ивано’ (Иванов).

Как следует из материалов хоринских летописей, наиболее ранними по функционированию являются исконно бурятские имена тюрко-маньчжуро-монгольского происхождения (Boltiray, Qosiyui, Marqa, Ebügen, Tegülder), которые и в настоящее время известны в виде бурятских фамилий: Бильтриков, Хошигуев, Мархаев, Убугунов, Тугулдунов. В XVI–XIX вв. в период распространения ламаизма и христианства в Бурятии антропонимы тибетско-санскритского и славянского происхождения, оттеснив имена предшествующей эпохи, получили дальнейшее развитие, но с изменением в структуре именника реже употребляются составные имена, такие, как Дамба-Дугар, Даши-Дэлэг, Цырен-Доржи, Нима-Цырен, Бато-Мунко, Бато-Цырен. Русские имена Михаил, Николай, Семен, Василий, Павел, Иван активно используются в номинации современных бурят.

Как считает А. Г. Митрошкина, многие апеллятивы личных имен могут оказаться универсальными для всех языков вообще. К таковым прежде всего относятся апеллятивы со значениями названий растений, птиц, животных, качественные слова со значением признака человека, масти животных, наименования домашней утвари [1976, с. 68]. Из числа антропонимов, встречающихся в летописях, к таковым можно отнести следующие имена: Tuga-a-ki ‘грач’, Унауан ‘жеребенок’, Тууал ‘теленка’, ёно ‘волк’, Boltiray ‘глиняный горшок’, Tübtür ‘крышка котла в виде полушария’, Badaп ‘бадан’, Qosiyui ‘без чувства юмора’, Tübüüsü ‘белесый, (перен.) хворый, вялый’, Borong-šiu ‘сероватый’, Omogtu ‘гордый, высокомерный’, Toyindul ‘ламообразный’. В заимствованных тибетско-санскритских именах наблюдаются незначительные фонетические изменения. Сочетания (ng + b), (ng + p), (n + b) в бурятских именах последовательно переходят в m: ࠠྱྗ Gonbu ‘Гомбо’, ࠠྱྗ Vangbu ‘Вамбу’, ࠠྱྗ Sangpil ‘Сампил’.

В последнее время возрос интерес к исконным бурятским именам, в связи с чем стали широко употребляться звучные, емкие, краткие имена: Агван, Адиса, Алдар, Амар, Амгалан, Ардан, Арюна, Арюхан, Аюна, Аюр, Аюша, Аяна, Баир, Балдан, Бато, Батор, Баярма, Билигма, Болот, Булат, Буянто, Бэлигма, Гэсэр, Гунжит, Даба, Дандар, Данир, Дара, Дари, Дарима, Дарису, Даши, Донир, Донит, Доржи, Дулма, Есуна, Жаргал, Зандра, Золто, Зориг, Зоригто, Лыгжима, Минжама, Мунко, Номин, Номина, Оюна, Рабдан, Рампил, Ранжит, Ринчин, Саян, Саяна, Содном, Солбон, Субад, Сэржэн(а), Тамир, Ти-

мур, Тумэн, Туяна, Уржин, Уянга, Цокто, Цырема, Цырен, Цырма, Цыпилма, Чингис, Эрдэм, Эржен, Эржена, Юмжана, Янжима.

Вместе с тем практика показывает, что в наречении детей современные буряты активно используют имена из русского антропонимикона: Алина, Борис, Валя, Галя, Дима, Ира, Инна, Катя, Наташа, Олег, Паша, Эдуард, Юлия.

В целом же летописные памятники бурят представляют собой богатый источник для исторических, культурологических, литературоведческих, лингвистических и ономастических исследований, поскольку они содержат богатый материал, относящийся к ареальной истории, ареальной лингвистике, которые могут быть использованы в лексикографических и лексикологических работах. Исследования по лексике старописьменных памятников помогут воссоздать объективную картину состояния бурятского языка XVIII–XIX вв. Изучение лексики бурятского языка XVIII–XIX вв. в настоящее время настоятельно требует расширения текстовой исследовательской базы, а огромные рукописные фонды на старомонгольской письменности до сих пор остаются в полной мере не востребованными.

«وَأَسْرِعْ بِمُحَافَظَةِ الْأَمْرِ وَالسُّعْيِ وَاجْتِنَابِ الرَّهْرِ»

مَنْتَمَعَنَّ بِمَنْتَمَعِهِمْ نَافِعٌ مِمَّنْ تَمَتَّعُوا بِمَتَاعِهِمْ ..

مَنْعَرَفٌ كَمَنْ عَرَفَ مَعْرَفَةَ مَعْرُوفِهِمْ

بِمَعْرِفَتِهِمْ كَمَنْ عَرَفَ مَعْرِفَتَهُمْ ..»

«يُمْكِنُ كَمَعْرِفٍ وَتَعْرِفٍ مَعْرِفَتُهُمْ مِنْ مَعْرِفَتِهِمْ»

وَجِدْنَا مِنْ مَعْرِفَتِهِمْ نَسَبًا لَهُمْ «180 (الجمعة ..).

«Усердно читай старинные сочинения
и исторические повествования.
От этого совершенствуется разум
и расширяется кругозор».
Э.-Х. Галшиев
(«Зерцало мудрости», стих 180)